

Шуай Чан помнил, что у Му Чэнгуана проколото правое ухо, и решил выбрать для него мужскую серьгу. Му Чэнгуан был не только эстетом, но и в некоторой степени нарциссом, поэтому наверняка пришел бы в восторг от изысканного украшения.

Официант достал из-под прилавка лоток с бриллиантовыми серьгами. Шуай Чан выбрал одну черную и одну белую. Как раз когда он собирался расплатиться, рядом кто-то подал голос:

— Запишите покупку этого господина на мой счет.

Официант замер и вопросительно посмотрел на Шуай Чана. Тот обернулся и увидел второго брата Му Чэнгуана — Му Байчуня. Му Байчунь улыбался так, будто был воплощением самой доброты, но его жест с оплатой выглядел как типичное поведение нувориша.

Шуай Чан вспомнил, о чем два месяца назад говорил Му Чэнгуан, и невольно прищурился, в его глазах блеснул холодный свет. Му Байчунь не стал бы приближаться к нему без причины, особенно учитывая, что он друг Му Чэнгуана.

— Господин Му, это не совсем удобно, я сам оплачу, — холодно отказался он и жестом показал официанту, чтобы тот принял карту.

Официант не шелохнулся. Му Байчунь рассмеялся:

— Раз вы друг Чэнгуана, значит, и мой друг. Разве не естественно, что второй брат оплатит ваш счет? Этот торговый центр принадлежит семье Му, так что, Нань Юй, не будьте со мной столь официальны.

Неудивительно, что официант был в замешательстве и боялся что-либо предпринять — перед ним стоял сын владельца. Шуай Чан забрал банковскую карту, убрал ее, и на его лице появилась легкая улыбка, отчего его черты лица стали еще привлекательнее.

Глаза Му Байчуня загорелись, улыбка стала шире:

— Если вам неловко, пригласите меня на обед, тогда мы будем в расчете.

Шуай Чан хотел узнать цели Му Байчуня и был вынужден проникнуть в стан врага для разведки, поэтому кивнул:

— Расходы господина Му с лихвой покрыли бы десять моих приглашений на обед. Слышал, ресторан этажом выше славится своей кухней. Господин Му, окажете честь?

Во время обеда Шуай Чан выслушал множество комплиментов от Му Байчуня. После трапезы они обменялись контактами. Уезжая, Шуай Чан увидел в зеркале заднего вида, что Му Байчунь все еще смотрит ему вслед с таким видом, будто не хочет расставаться, и невольно вздрогнул.

Семья Му действительно сплошь психи, конечно, за исключением Му Чэнгуана. Другие

смотрят на возлюбленных сквозь розовые очки, а он — как старый отец на любимого сына: каким бы ни был Му Чэнгуан, в его глазах он всегда идеален.

Вечером Му Чэнгуан вернулся с работы, и Шуай Чан сразу вручил ему серьги.

— Какие красивые! Что за повод? Учитель Нань дарит мне подарки! — Му Чэнгуан прикладывал украшения к ушам, вертясь перед зеркалом.

— Выбирал я, но платил Му Байчунь.

Му Чэнгуан застыл:

— В смысле?

Шуай Чан рассказал, что произошло. Му Чэнгуан сжал кулаки:

— Ах он, Му Байчунь! Решил подсидеть меня? Он что, думает, мое прозвище Маленький господин Му — это просто звук пустой?

— Он еще и в WeChat меня добавил, — Шуай Чан протянул ему телефон.

Му Чэнгуан открыл профиль Му Байчуня. Это был другой аккаунт, не тот, что он знал. Аватар выглядел крайне несерьезно: Му Байчунь с розой в руках, широко улыбающийся в повседневной одежде, выглядел лет на двадцать четыре-двадцать пять.

— Хитрый лис! Старше моего учителя Наня, а молодится! Хм! — Му Чэнгуан раздулся, как маленький сердитый ежик, готовый к атаке.

Шуай Чан пощипал его надутые щеки:

— Это мой запасной аккаунт, там никого нет. Я не хочу с ним общаться, отдаю этот аккаунт тебе. Давай решим, как нам его проучить?

Му Чэнгуан купил новый телефон, вошел в аккаунт Шуай Чана и стал переписываться с Му Байчунем. На следующее утро пришло сообщение.

Му Байчунь: Доброе утро. Погода сегодня чудесная, осенняя прохлада и аромат османтуса.

К сообщению была приложена фотография — не селфи, а вид на жилой комплекс. Впрочем, любой мог понять, что это элитный поселок, место скопления богачей. Му Чэнгуан немного подумал.

Нань Юй: Красивый пейзаж. [Улыбка]

Му Байчунь: На следующей неделе у меня день рождения. Буду счастлив, если вы придете на вечеринку в мою виллу. Познакомлю вас с друзьями.

Нань Юй: [Торт] Заранее поздравляю с днем рождения. На следующей неделе день рождения у Чэнгуана, мы уже запланировали поездку за границу, боюсь, к нашему возвращению ваш праздник уже закончится.

Му Байчунь: Ничего страшного, мне приятно ваше поздравление. Кстати, у Чэнгуана в последнее время с деньгами туго, а он еще и за границу собрался.

Му Чэнгуан скривился. Му Байчунь выставляет себя богачом и одновременно принижает его, намекая на бедность. Неужели он думает, что учителю Наню так нужны деньги? Учитель Нань сейчас невероятно богат, разве его можно купить?

Шуай Чан, вернувшись с пробежки, увидел Му Чэнгуана с телефоном в руках — вид у того был крайне недовольный. Он подошел ближе:

— Что там пишет Му Байчунь? Ты выглядишь таким подавленным.

— Он мне... то есть, по факту, тебе хвастается богатством, — Му Чэнгуан показал телефон.

Шуай Чан пролистал переписку:

— Хочешь поехать за границу на день рождения? Уже решил куда?

— Я это специально сказал. Не идти же мне на его вечеринку! Говорю тебе, среди его друзей нет ни одного нормального человека, смотри, не дай ему себя увлечь.

Шуай Чан вздохнул:

— О чем ты? Это ведь ты с ним переписываешься.

— Ах да, я от него совсем отупел. Послушай, учитель Нань, Му Байчунь обожает тех, кто не меняет принципов ради денег, но сам всегда пытается всех купить. В гей-сообществе многие притворялись, чтобы выманить у него деньги.

— У него довольно специфические хобби, — Шуай Чан отпустил пару колкостей в адрес Му Байчуна и пошел в душ.

На середине пути он замер. Му Чэнгуан упомянул гей-сообщество так, будто отлично в нем разбирается... Похоже, основы морали он еще не усвоил до конца.

В день рождения Му Чэнгуана Шуай Чан с предвкушением протянул ему подарочную коробку:

— С днем рождения.

Коробка была увесистой. Му Чэнгуан спросил:

— Спасибо, учитель Нань. Можно открыть?

Шуай Чан покачал головой и загадочно ответил:

— Думаю, лучше сделать это перед сном.

Му Чэнгуан сгорал от любопытства, даже во время романтического ужина с трудом концентрировался на еде.

— Ешь спокойно, подарок никуда не денется, — Шуай Чан взял его тарелку и нарезал стейк на маленькие кусочки. — Хочешь, покормлю?

— Хочу, хочу! — закивал Му Чэнгуан.

Шуай Чан тихо рассмеялся и принялся кормить его. Му Чэнгуан покраснел, но чувствовал себя счастливее, чем когда-либо. Однако счастье длилось лишь до вечера. Под ободряющим взглядом Шуай Чана он осторожно открыл коробку.

Му Чэнгуан: «!»

Шуай Чан улыбнулся:

— Что замер? Слишком большой сюрприз?

Му Чэнгуан, скрежеща зубами, вытащил стопку книг:

— Да, это действительно... огромный сюрприз.

Шуай Чан:

— Похоже, я не ошибся с выбором. Теперь каждый вечер перед сном будем читать по главе, договорились?

Му Чэнгуан:

— ...Хорошо. (Хочется плакать).

Из-за того, что Му Чэнгуан на днях обмолвился о сплетнях в гей-сообществе, Шуай Чан специально заказал учебники по идеологии и политике с первого по четвертый курс университета. Ни одного не пропустил. Теперь, когда они будут заниматься каждый день, он не верит, что Му Чэнгуан сможет «испортиться».

Через два дня после дня рождения Му Чэнгуана Шуай Чану позвонил Му Байчунь.

Му Байчунь: Юй, Чэнгуан слишком занят, похоже, вы не сможете поехать за границу. Если сегодня свободен, может, приедешь ко мне на виллу?

Неизвестно, что Му Чэнгуан писал ему в чате, но Му Байчунь перешел на столь приторный тон. Впрочем, ему больше нравилось, когда Му Чэнгуан звал его «учитель Нань». Но в

последние дни Чэнгуан действительно задерживался допоздна, похоже, без Му Байчуня не обошлось.

Шуай Чан помрачнел, но ответил с особой нежностью:

— Хорошо.

В пять часов вечера Шуай Чан привел себя в порядок, его внешность стала еще ярче. Му Байчунь приехал за ним лично и при виде него на секунду потерял дар речи. Шуай Чан был в светлой одежде, и, когда он опускал глаза с легкой улыбкой, он напоминал теплое зимнее солнце, а в его глазах плескалась мягкость.

Шуай Чан сел на пассажирское сиденье и, заметив восхищение в глазах Му Байчуня, усмехнулся:

— Байчунь, мы не виделись всего несколько дней, почему ты смотришь так, будто не узнаешь?

Му Байчунь нахмурился:

— Мы же договорились, называй меня Чунь. Байчунь звучит слишком официально.

— ...Чунь, — послушно отозвался Шуай Чан.

Му Байчунь:

— Так-то лучше. Юй, сегодня вечером у меня будет много звезд, режиссеров и продюсеров. Будь рядом, я тебя со всеми познакомлю.

Шуай Чан изобразил беспокойство, в его глазах промелькнула тень грусти:

— Но я уже не так молод, боюсь, это будет неуместно.

Му Байчунь повысил голос:

— Почему неуместно? Я сказал, что уместно — значит, так и есть. Они все мои друзья, не откажут мне. К тому же, если не говорить свой возраст, кто догадается? Твоя красота — дар небес, ты рожден для всеобщего внимания. И потом... — он понял, что слишком горячится, и постарался смягчить тон. — Ты же знаешь, какие у актеров гонорары. Один сериал — и миллионы в кармане.

Му Байчунь говорил легко, и человек, не знающий жизни, тут же бы купился. Нань Юй после магистратуры сразу пошел преподавать, его среда была чистой, и даже в тридцать лет он не сталкивался с темной стороной общества. Его было легко обмануть.

Шуай Чан подыграл:

— Ты серьезно?

Му Байчунь утвердительно кивнул:

— Конечно. — Рыбка клюнула. В уголках его рта появилась развязная улыбка, а взгляд скользил от сексуального кадыка Шуай Чана к ключицам, почти пронзая одежду.

Шуай Чан заерзал, его уши покраснели, и он сделал вид, что рассматривает пейзаж за окном, чтобы избежать липкого взгляда Му Байчуня. Тот же решил, что он просто смущается, и улыбнулся еще гаже.

Вилла Му Байчуня была окружена черной железной оградой, по которой вились увядающие белые розы. Перед домом была большая площадка, небольшой фонтан, вокруг которого люди сутились, расставляя декорации. Ленты, шары, гриль, огромный девятирусный торт и пирамида из бокалов.

Увидев Му Байчуня, кто-то крикнул:

— Именинник приехал! Наливайте, давайте поздравим его!

Алая жидкость наполнила бокалы. Му Байчунь взял два, один протянул Шуай Чану.

— Для меня честь, что вы нашли время прийти. Я не мастер красноречия, поэтому выражу свои чувства вином. Пью до дна! — он осушил бокал.

— Браво! Раз господин Му пьет, как мы можем не поддержать? Давайте поздравим его!

Все подняли бокалы, прокричали поздравления и выпили. Му Байчунь стоял рядом с Шуай Чаном, сияя. Шуай Чан не мог отказаться — алая жидкость потекла в рот, кадык дернулся, вино смочило губы, делая их еще ярче. Му Байчунь сглотнул, внутри него вспыхнуло желание, и он едва сдержался, чтобы не выдать себя.

— Юй, выпей со мной еще, — голос Му Байчуня охрип.

Он считал, что раз Нань Юй пришел на его виллу, то уже стал его добычей. Он не скрывал своего интереса. В этой компании Нань Юй был как волчонок в овечьей шкуре, если не уследить — его тут же утащат другие. Му Байчунь пил с ним с двойным умыслом: показать остальным, что этот мужчина — его добыча. Мужчина, который увел у него Му Чэнгуана, заставлял его кровь кипеть.

Духовный сгусток: Красавчик, этот Му Байчунь такой мерзкий, я больше не могу на это смотреть!

Шуай Чан: Его выражение лица действительно тошнотворно. Есть идеи?

Духовный сгусток: Насколько я знаю, Му Байчунь — прирожденный «пассив». Может, заставим его побыть «активом»?

Шуай Чан усмехнулся:

— Любопытно.

К вечеру в саду зажглись оранжевые фонари, создавая двусмысленную атмосферу. Заиграла музыка, алкоголь развязал языки, и люди отбросили дневные маски. Му Байчунь напоил Шуай Чана пятью бокалами, но тот даже глазом не моргнул, тогда как у самого Му Байчуня голова пошла кругом. Но он не сдавался и продолжал тянуть Шуай Чана пить.

Шуай Чан, настоящий мастер алкоголя, наполнил бокалы и залпом осушил шестой. Му Байчунь, пьяный и покрасневшийся, потянулся к Шуай Чану:

— Потрогай меня...

Шуай Чан отстранился, схватил Му Байчуня за шиворот и вытолкнул в «танцпол». Ночь — лучший демон, искушающий людей. Многие днем выглядели прилично, а здесь пустились во все тяжкие. Несколько человек, заметив пьяного Му Байчуня, оживились. Шуай Чан отпустил его, и Му Байчунь повалился в руки толпы.

Му Байчунь был хорош собой и богат, для них он был идеальной партией. Никто не знал, что он «пассив». Все думали, что он «актив», потому и начали за него борьбу. Если бы они знали правду, ни одна «сестренка» не стала бы претендовать на него.

Здесь было душно, и Шуай Чан, выпивший шесть бокалов на голодный желудок, проголодался. Он подошел к грилю, пожарил мясо, посыпал специями — получилось на удивление вкусно.

— Не угостишь двумя шпажками?

Шуай Чан обернулся. Рядом стоял мужчина средних лет с мягкой улыбкой.

— Не подумай ничего такого, меня привел друг, я не из их компании. У меня есть жена и дети.

Шуай Чан поделился мясом. Мужчина с благодарностью взял его и быстро съел.

— Прости, просто проголодался, — мужчина выпил сок, который предложил Шуай Чан, и протянул руку: — Привет, я Сун Ли, сценарист и режиссер.

Шуай Чан приподнял бровь и пожал руку:

— Нань Юй, раньше был учителем, сейчас занимаюсь инвестициями.

В глазах Сун Ли мелькнул блеск:

— Господин Нань занимается инвестициями? У меня как раз есть сценарий фильма, ищу финансирование. Не хотите вложиться? Если фильм выстрелит, прибыль будет в десятки раз выше затрат.

Шуай Чан не видел сценария, поэтому не спешил с ответом. Он посмотрел на небо, где звезды окружали луну:

— Какая прекрасная ночь.

Сун Ли горько усмехнулся, понимая, что тот уходит от темы, и тоже посмотрел вверх:

— И правда, очень красиво.

Духовный сгусток: Красавчик! Соглашайся! Сун Ли — будущий знаменитый режиссер, фильм точно станет хитом!

Шуай Чан: Ты уверен? Я с таким трудом заработал деньги, еще не решил, какую компанию открывать.

Духовный сгусток: Открывай кинокомпанию, это твой профиль.

Сун Ли собирался уходить, думая, что сделка сорвалась, но Шуай Чан придержал его за рукав.

— Режиссер Сун, у меня есть свободные средства, и мне интересны инвестиции в кино. Буду рад помочь с вашим проектом.

Сун Ли замер, а потом просиял:

— Конечно! Обязательно!

Они обменялись контактами и договорились обсудить детали завтра. Шуай Чан не хотел оставаться, и как раз позвонил Му Чэнгуан.

— Я на вилле Му Байчуня, у него день рождения. Я без машины, приедешь за мной?

Му Чэнгуан:

— ...Опять этот Му Байчунь! Я с ним разберусь! Учитель Нань, жди десять минут, буду!

Обсудив детали, Шуай Чан зарегистрировал кинокомпанию Чэнгуан и вложил двадцать миллионов в фильм Сун Ли. Как главный инвестор, он поставил лишь одно условие:

— Я не хочу видеть «блатных». Верю, что режиссер Сун выберет подходящих актеров.

Сун Ли был в восторге:

— Не волнуйтесь, это само собой! — Режиссеры больше всего боятся инвесторов, которые лезут в творческий процесс, навязывая своих любовников или родственников. Шуай Чан был глотком свежего воздуха! — Ради ваших слов я сделаю так, чтобы эти двадцать миллионов принесли в

десятки раз больше!

Шуай Чан улыбнулся:

— Режиссер Сун, я вам верю.

С того дня, как Му Чэнгуан забрал его с виллы, он погрузился в работу. Утром Шуай Чан просыпался — Му Чэнгуан уже уехал, вечером возвращался поздно и сразу падал спать. Шуай Чан жалел его, но знал, что нельзя ограничивать его рост.

Месяц сверхурочных — и у Му Чэнгуана появились синяки под глазами, он осунулся. Шуай Чан принудительно заставил его отдохнуть два дня.

Му Чэнгуан, обнимая руку Шуай Чана, дремал:

— Отец снова меня похвалил. Этот месяц не прошел даром, в следующем году он точно даст мне хорошую должность в головном офисе.

— Не меняй тему. Завтра и послезавтра ты отдыхаешь, решено, — Шуай Чан с жалостью коснулся его века.

<http://bllate.org/book/22165/2308990>